

дневники, мемуары, свидетельства современников и тр. Историков. Т. 1 / [Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова]. М., 2000.

2. Записки Августа Коцебу. Незданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле // Трагедия русского Гамлета / [Н.А. Саблуков и др.]. М., 2011.

3. Записки Н. А. Саблукова // Трагедия русского Гамлета / [Н.А. Саблуков и др.]. М., 2011.

4. Павел I глазами современников: [антология / сост., предисл., коммент. Е.И. Лелиной]. СПб., 2016.

5. Стрижак В. Н., Соколов А. Р., Раскин Д. И. Анна Павловна. Русская принцесса на Голландском троне. СПб., 2003.

Г.А. Чернов

Пензенский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ ДВОРЯН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII в.

В последние годы все больший интерес в научном историческом сообществе привлекают микроисторические исследования. Данный подход позволяет взглянуть на предмет исследования под новым углом, что особенно актуально при изучении истории повседневности.

Проблема правового и социального положения дворянских внебрачных детей изучена недостаточно. Как отмечает П.Л. Полянский, в дореволюционной историографии господствовало мнение о том, что незаконнорожденный ребенок в Российской Империи приобретал социальный статус своей матери [3, с. 47]. Подобная точка зрения выражалась и в работах постсоветского периода [4, с. 149]. Однако, на практике так было не всегда. Как справедливо полагает А.А. Крылова, комплексный подход к исследованию данной проблемы требует привлечения обширного круга источников: от метрических книг до материалов судебных разбирательств. Целью же нашей работы является введение в научный оборот одного из таких источников, а именно – материалов ревизии Пензенской палаты уголовного суда дела, поступившего из Городищенского уездного суда в 1787 г., о незаконном владении крепостными князем Никитой Темировым [1, оп. 2. д. 273. л. 460–469].

Дело поступило в нижнюю земскую расправу в результате ревизии, в ходе которой открылось, что среди крепостных князя Темирова есть трое молодых людей, сыновей его дворовой девки Ирины Максимовой, которые «не показаны ни наличными, ни убылыми, ни прибылыми» [1, оп. 2. д. 273. л. 460–469]. Из показаний свидетелей, среди которых была супруга Темирова, Устинья Ивановна и священник, Семен Андреев, суд определил, что несколько лет назад князь Темиров повредился умом. Дела же

были поручены старосте, Никите Михайлову, уже год как умершему. Таким образом, ответственного за учет крепостных, суд не нашел.

Следующая инстанция — земский суд. Делопроизводство нижней расправы было признано «недостаточным и весьма негодным», поскольку не было определено «кем прижиты» и воспитаны сыновья девки Максимовой, а сама она не допрошена. Земский суд снова допросил свидетелей: все они, кроме Максимовой показали, что отец братьев неизвестен, а воспитаны они были самим князем по благородному побуждению. Однако, Ирина Максимова показала, что прижиты три ее сына были с самим князем Темировым, подтвердил это и ее старший сын. В дореформенном судопроизводстве Российской Империи противоречия между показаниями свидетелей разрешались очень просто — знатный свидетель имел преимущество перед незнатным, мужчина перед женщиной, клирик перед мирянином [2, с. 71]. Земский суд приказал Ирине Максимовой и старшему ее сыну «за ложный донос и напрасное поклепетание учинить им обоим на теле наказание», младшего и среднего братьев отправить в холопство к господину без наказания, поскольку показаний они не давали, а также взыскать с Темирова подушную подать за всех троих крепостных за 5 лет [1, оп. 2. д. 273. л. 464].

К тому моменту, как дело дошло до ревизии в уголовной палате, князь обратился к суду с письмом, в котором признал всех троих незаконных сыновей и просил для них определения в приказное звание. Имея ввиду ментальное нездоровье князя, члены палаты не могли принять в расчет его заявление, однако, решение нижестоящего суда не было утверждено в силе. Не были заслушаны и последние свидетели — дочери и наследницы Темирова, Татьяна Романова и Марья Архипова, что в первую очередь и было исправлено уголовной палатой. Дочери единогласно показали, что отец их, еще будучи в здравом уме, под клятвой приказывал к сыновьям от Максимовой «относится как к братьям и в крестьяне не причислять». Последние показания решили дело — воля князя была исполнена, сыновья его получили вольность, а Ирина Максимова вернулась «вотчину князя без всякого наказания» [1, оп. 2. д. 273. л. 469].

Таким образом, рассмотренное дело подтверждает тезис П.Л. Полянского о том, что государство вмешивалось в отношения, касающиеся устройства незаконнорожденных детей дворян в тех случаях, когда это затрагивало государственные интересы: рекрутская повинность, подушная подать и т.д. [4, с. 150]. Совсем не обязательно в этих ситуациях детям сообщался сословный статус матери. В данном примере интересы незаконнорожденных детей князя защитить удалось, однако, этому предшествовала волокита. Кроме того, материалы рассмотренного судебного дела, иллюстрируют особенности ревизионной формы дореформенной судебной системы Российской Империи.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 23.
2. Карнишина Н.Г. Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 Г. (к 150-летию принятия судебных уставов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(29).
3. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.
4. Полянский П.Л. Определение правового статуса незаконнорожденных детей в России в XVIII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 1.

В.Д. Иудин

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О РАКУРСАХ ОЦЕНОК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФИНЛЯНДИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. В КОНТЕКСТЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вхождение Финляндии в состав Российской империи, получившее правовое оформление в рамках Фридрихсгамского договора от 17-го сентября 1809 года и явившееся одним из ключевых итогов русско-шведской войны 1808–1809 гг., ознаменовало начало нового этапа развития первой. Имперский контекст формирования финской государственности породил не только разветвленную политическую и законодательную системы, но и совершенно иные условия социально-экономического развития новоиспеченной автономии. Прежний «патрон» финской территории, в лице Шведского королевства, использовал оную лишь в качестве ценного ресурсного придатка, о чем свидетельствовал, к примеру, советский исследователь В.В. Похлебкин [5, с. 31]. Показательно, в этом отношении, то, что подавляющее большинство исследователей, представленных ниже, акцентировали внимание на аналитико-статистической оценке раскрытия экономического потенциала Великого княжества Финляндского. Ниже освещены отечественные историографические ракурсы применительно к оценке социально-экономического развития Финляндии на рубеже XIX–XX вв. и выделены соответствующие индикаторы.

Честь вписывания проблематики истории Финляндии в контекст русской историографии принадлежит дореволюционным исследователям К.Ф. Ордину (1836–1892), П. Морозову, М.А. Лялиной (1838–1910) и М.М. Бородину (1852–1919). Двухтомный труд Ордина «Покорение Финляндии», увидевший свет в 1889 году и удостоенный престижной Макарьевской премии, представлял собою первый опыт фундаментального исследования ранней финской истории и политических процессов, определивших статус Финляндии в 1809 году [4]. Социально-экономическая сторона не нашла места в работе Ор-